

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ, КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ЭКОНОМИКИ

Розин В.М.

Институт философии РАН,
Москва

rozinvm@gmail.com

В статье на материале анализа трех кейсов – представлений шумеров о цене товара, взглядов Аристотеля на богатство и особенностей формирования торговли чаем в викторианской Англии – анализируются понятие и этапы становления экономики, а также процесс технологизации экономики. Различаются два способа представления экономики: как работающей на поддержание жизни социального организма и как особого вида технологии, обеспечивающей развитие хозяйства и одновременно выступающей источником экономических и социальных кризисов. Обсуждается обусловленность экономики в концептуальном, культурном, психологическом и социальном отношениях. Делается вывод, что экономика складывается вместе с обеспечивающими ее социальными и культурными условиями, которые предполагают сознательное участие в этом процессе хозяйственных, экономических и создающих культуру субъектов.

Ключевые слова: экономика, культура, общество, потребность, технология, технологизация.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-24-39

1. Понимание хозяйства и собственности в Древнем мире. Культурная обусловленность экономики

Существует большая, главным образом западная литература, посвященная анализу форм собственности Древнего мира («верховной собственности царя», собственности и владений общины, имущественным отношениям в семье), а также первых экономических отношений (рынка, наемного труда, ростовщического капитала, торговых объединений). Но что при этом авторы понимают под хозяйством и экономикой,

тем более если речь идет о Древнем мире? На мой взгляд, необходимость появления хозяйства в «культуре древних царств» была обусловлена процессами формирования управляемого коллективного труда (наиболее показательны здесь Древний Египет и Шумер), предполагающего также его разделение [11, с. 133–142].

Действительно, пока, например, в Египте не были созданы армия и другие большие коллективы, работающие под надзором тысяч писцов, проблемы, возникавшие в управлении, в царском дворе, храмах, в производстве, при распределении продуктов труда и питания, разреша-

лись традиционно и не требовали специальной организации. С появлением всего этого хозяйственная деятельность стала совершенно необходимой: ведь накормить и одеть десятки тысяч не работающих в поле и домашнем хозяйстве людей (чтобы они эффективно управляли, отправляли культ, воевали) традиционным способом невозможно. В этом случае необходимо производство, обеспечивающее не только самого производителя, но и многих других людей; необходимо распределение продуктов труда исходя из потребностей целого и его частей, а не самого производителя. Именно хозяйственная деятельность разрешает все эти проблемы.

Царские писцы и жрецы начинают улучшать производство (вносить в него новшества, организовывать его), по-новому распределять продукты труда, стараясь обеспечивать ими все социальные институты и сферы общества, следить, чтобы производство функционировало эффективно и бесперебойно.

Нужно учесть, что производство в широком смысле – это не только изготовление вещей и орудий (оружия), но и военное дело (его продукты – военная добыча и дань, а также уверенность, защищенность жителей страны) и, так сказать, «духовное производство», позволявшее общаться с богами и получать от них помощь, и сфера управления. Но это только один аспект хозяйства – *искусственный*, поскольку он предполагает целеполагание (что именно нужно делать, чтобы...), а также планирование и принятие решений. Примером первого является целевая установка на создание в царствах Древнего мира ирригационных сооружений (каналов, плотин), второго – заготовки запасов зерна на случай засухи или неурожая.

Необходимость хозяйственной деятельности диктуется также быстрым развитием в Древнем мире торговли. Разделение труда и объединение в одном царстве различных номов и провинций, с разными условиями и традициями земледелия и ремесла, а следовательно, производящих разную продукцию, способствует развитию внутренней торговли, что, в свою очередь, заставляет планировать производство и увеличивать производительность, по-новому распределять произведенный продукт, т. е. создавать хозяйство.

Второй аспект древнего хозяйства можно назвать *естественным*. Он связан с тем, что можно условно назвать «экономикой культуры древних царств». Чтобы понять, что это такое, сравним для примера хозяйственную деятельность Древнего и Среднего царства в Египте. В первом случае – это прежде всего властные решения чиновников фараона в сфере производства и распределения; во втором, когда сложились разные самостоятельные субъекты (царь, жрецы, знать), хозяйственная деятельность опосредуется, с одной стороны, договорами и соглашениями, которые заключаются между данными субъектами, с другой – особым пониманием собственности и имущества (эти два момента и образуют суть древней «экономики»).

Учтем такое обстоятельство. Для человека культуры древних царств, хотя он и обменивает свой продукт на рынке или оставляет наследство, отчуждаемое имущество или товар в определенном смысле неотчуждаемы, поскольку являются продолжением самого человека (например, термины «собственный» и «собственность» в Египте обозначаются тем же знаком «д.т», что и «плоть», «туловище» [9]). Имущество и продукт, созданный человеком, не только явля-

лись условием его существования, а следовательно, и жизни, но и обладали душой, тесно связанной с человеком или богами, участвовавшими вместе с человеком в его создании. Приведем два примера.

Анализируя широко употреблявшееся в Старом царстве понятие «д.т», обозначающее с добавлениями других слов хозяйство («дом д.т»), людей, животных, селения, здания, заведения и т. д., Ю. Перепелкин пишет следующее. «Итак, мы видим, что в пирамидах с помощью слова “д.т” выражались не только принадлежность телесная и по родству, но и принадлежность в силу владения. Мы видели также, что надписи частных лиц пользовались д.т для обозначения принадлежности по праву собственности – примеров того было приведено великое множество – и вместе с тем употребляли то же слово, когда хотели выразить принадлежность в силу родства, личной связи, предназначения, пользования, посвящения!» [9, с. 118, 119].

Второй пример. Античная архаическая ваза не только создана с помощью богини Афины Эрганы, но и сама является одушевленным существом, говорящим от своего имени (например, «владельческая» надпись на черном килике с Родоса «Я – килик Корака» и знаменитая «Я – Нестора благопитейный кубок»). Обе датируются VIII веком до н.э.). Н. Брагинская показывает, что сосуды чуть ли не самая подходящая вещь для одушевления. Известно, что индейские женщины считали вылепленную посуду «живой», живым существом: «Сосуд – это образ женщины, и женщина мыслится сосудом, а женские божества почитаются в виде сосудов <...> Части сосуда – вазы, кувшина, чаши – на разных языках согласно именуются туловом, ножкой, ручкой, горлом, шейкой, плечами, ушками, устьем

(“устаами”) и т. д. И это не кальки» [2, с. 52, 73–83].

Поэтому чтобы отсоединить имущество или произведенный продукт от себя, недостаточно его обменять на другие, эквивалентные с точки зрения затраченного труда и времени. Необходимо также умилоствить, во-первых, своих богов, принеся им жертвы; во-вторых, членов общины, к которой человек принадлежит; в-третьих, чужих богов и общину, чтобы они приняли чужое имущество и продукт в свое владение. Все эти моменты можно увидеть на материале шумеро-вавилонской культуры. «Тексты, в которых фиксируется тот или иной вид передачи имущества (купля-продажа, лишение наследства, обращение в рабство, отпуск рабов на волю и т. д.), – пишет И.С. Клочков, – пестрят специальными терминами и формулами, указывающими на обряды, сопровождавшие эти действия... при всем развитии коммерческой деятельности в древней Месопотамии имущество, вещи не превратились в голую потребительскую или меновую стоимость, в чисто экономические величины; они так и не “оторвались” окончательно от своих владельцев, не стали нейтральными предметами, какими их считают законы Юстиниана и современное право. Данное обстоятельство самым непосредственным образом сказывалось в сфере экономики, во многом определяя функционирование механизма древнего обмена <...> покупатель должен был дать прежнему владельцу три вида компенсации за уступленный объект. Прежде всего, он платил сразу или по частям “цену покупки” (nig-sa), как правило, зерном или медью, что, по мнению Ж. Баттеро, подразумевает эквивалентность, равновесие двух ценностей. Затем покупатель давал “приплату” (nig-giri или is-gana=nig-

ki-gar – “то, что кладут на землю”), исчисляемую в тех же “деньгах”, что и “цена покупки”, т. е. зерном или металлами. В текстах из Фары эта “приплата” бывает равно цене и даже больше ее.

“Приплата” была одновременно и обязательна и добровольна. Обязательна потому, что одна только чистая “цена” вещи не могла удовлетворить продавца: вещи в обыденном сознании рассматривались как неопределимые, несводимые к какому-либо эквиваленту. Добровольна потому, что размеры ее устанавливал покупатель (возможно, согласуя с продавцом), исходя из своей оценки степени привязанности продавца к своему добру, силы собственного желания приобрести данный объект и, вероятно, желания показать свою щедрость и продемонстрировать свое величие.

Этим последним желанием объясняется третий вид выплат – “подарки” (niġ-ba, дословно “то, что дано”). В отличие от “цены” и “приплаты” “подарки” обычно представляли собой не зерно или металлы, а дорогие вещи (одежды, оружие и т. п.), съестные припасы и напитки... Лучший “подарок” получал основной продавец, другие подарки – его ближайшее окружение (соседи и родичи, которые могли являться совладельцами), а также писец и должностные лица, скреплявшие сделку; угощение устраивалось для всех участников сделки, включая свидетелей.

Человек, по выражению Ж. Боттеро, не столько владел вещами как добром, предназначенным для обычного пользования и потребления, сколько над ним властвовал, как надо всем, что составляло его личность. И при обмене эти вещи выступали скорее не объектами покупки, а объектами “покорения”, “завоевания”; отсюда и непомерная щедрость (своеобраз-

ный поединок между продавцом и покупателем)» [4, с. 52–53].

Продумывая эту практику, можно предположить, что явление, которое для нас выглядит как экономика Древнего мира, в современном научном дискурсе может быть истолковано как *культурная обусловленность хозяйственной деятельности*. Действительно, в современной западной культуре, например, земля свободно покупается и продается, а на злостных неплательщиков подают в суд. В культуре древних царств (кстати, иногда и в современной России) земля в обычном смысле не продавалась, а долги нередко прощались. «Связь между землей и владельцем (индивидуальным или коллективным), – пишет Ключков, – была очень сильна. Во II тысячелетии до н.э. и позднее на периферии Месопотамии собственность на землю оставалась исключительным правом коллектива общины; отчуждение земли за пределы общины или круга кровно связанных родственников было невозможно. Приобрести земельный участок в таких случаях можно было только одним путем: стать членом данной общины или семьи; отсюда невероятное распространение “примов в братья”, “усыновлений” и т. д. <...> С идеей “принципиальной” неотчуждаемости наследственного надела земли или дома, по-видимому, был связан и институт *misarum*. В первой половине II тысячелетия до н.э., как и в более древнюю эпоху, некоторые месопотамские правители время от времени объявляли “Справедливость” (*мишарум*): издавали особые указы, по которым прощались определенные долги и проданные (очевидно, при крайних обстоятельствах) земли, сады и дома безвозмездно возвращались прежним владельцам» [Там же, с. 50, 51].

Здесь можно привести и мнение Ю. Латыниной. Правда, она пишет о средних веках, но не повторяется ли тут многое из того, что было еще в Древнем Египте и Вавилоне? «Ничто, — пишет Латынина, — так хорошо не демонстрирует нерыночный характер раннего капитализма, как комменда — излюбленный в XI–XIII веках тип вложения капитала. Предшественники и параллели комменды — вавилонский тапшутум, мусульманская мукарада, византийская хереокойнония и отчасти морская ссуда в эпоху эллинизма. Комменда состояла в том, что одна сторона ссужала деньги другой стороне, использовавшей этот капитал для коммерческого плавания и возвращавшей ее вместе с заранее определенной долей прибыли: три четверти прибыли в случае односторонней комменды (при которой кредитор финансировал все плавание) и половина прибыли в случае двусторонней комменды (при которой кредитор предоставлял две трети капитала)» [5, с. 18].

Латынина отмечает, что комменда нередко представляла собой соглашение между богатым оседлым капиталистом и начинающим бедным предпринимателем, который доверял свои небольшие сбережения богатому купцу. Они иногда были настолько равны в состоянии и опыте, что менялись ролями. Торговцы считали выгодным чередовать роли оседлой и путешествующей партии. Часто торговец брал с собою лишь часть капитала в дополнение к капиталу, данному другими торговцами в комменду. Комменда давала возможность торговцу не держать все яйца в одной корзине; она прошивала общество невидимой сетью взаимных связей по вертикали и по горизонтали.

«Иначе говоря, — замечает Латынина — даже комменда, это самое капитали-

стическое явление средневековой Италии, не была целиком капиталистическим предприятием: с ее помощью умножались не только деньги, но и связи. Это был способ обезопасить себя и от неожиданно потонувшего корабля, и от шальной чумы в Александрии, и от местной войны, и даже — не приведи, Господи, — от изгнания.

Успех мелких купцов был обусловлен дружбой между равными; успех крупных был обусловлен связями в верхах <...> Операции банкира Уврара были бы невозможны без покровительства Талейрана. В чем-то истории европейского предпринимательства не повезло: на предпринимателя как на одного из делателей истории обратили внимание тогда, когда в моду стала входить история, состоящая из цифр, а не событий, и в результате блистательные биографии полубанкиров-полуполитиков оказались покрыты толстым слоем статистического пепла.

Покровительство высших должностных лиц распространялось на операции, которые современный закон прямо отнесет к бандитизму: чего стоят причитания российской прессы о коррупции в высших эшелонах власти, если вспомнить о королеве Елизавете, лично участвовавшей в финансировании пиратской экспедиции Френсиса Дрейка и с удовольствием надевшей подарок Дрейка — корону из награбленных у испанцев камней; или скандал, разгоревшийся в 1701 году в английском парламенте из-за того, что лица, финансировавшие пирата Кидда — лорд-канцлер и первый лорд казначейства, — принадлежали на свою беду к партии парламентского меньшинства!» [Там же, с. 20–25].

Понятно, что мишарум, прием в братья или усыновление нужно отнести к актам хозяйственной деятельности (посколь-

ку облеченные властью лица должны были принять соответствующее решение), но те же акты можно считать относящимися к древней экономике; с их помощью хозяйственная деятельность опосредовалась сложившимися культурными обычаями. Подобно тому, как в стоимость товара входила сакральная связь владельца с этой вещью, в стоимость земли входили ее связи с ее владельцем и общиной, что в случае мизарум позволяло земле, домам и садам даже возвращаться к своим владельцам.

Но средние века – это еще не капиталистические отношения. В частности, и потому, что произведенные товары так до конца и не были отчуждены от своих производителей. Да, этот процесс начался еще в античной культуре, когда сформировалось понятие собственности как право владения. В Риме собственность понимается как власть производителя над вещами: «Для владения в юридическом смысле, – пишет И.Б. Новицкий, – была необходима *воля обладать вещью самостоятельно*, не признавая над собой *власти другого лица*, воля относиться к вещи как своей» (выделено мной. – В.Р.) [8, с. 76]. Тем не менее и в античности, и в средние века, и в эпоху Возрождения человек, производивший вещи, не считал, что самостоятельно творит эти вещи. Творцом выступал Бог, мастер только подражал ему, выявляя (проявляя) в материале уже существующие в божественной «номенклатуре» формы и сущности. Более того, так как в средние века считалось, что Бог не только создал вещи, но и пребывает в них, сообщая вещам их жизнь, каждая вещь в средневековой культуре понималась одновременно как субъект. Вещь-субъект еще не могла свободно пуститься во все тяжкие рыночных отношений, она была еще достаточно крепко связана как с Богом, так и с челове-

ком, который помог ей обрести собственный «голос» [7].

И в наше время стоимость и само понимание товара существенно зависят от культурных факторов. Так, известный японский экономист и социолог Тайичи Сакайя показывает, что стоимость современных изделий всё более определяется знаниями и ценностями. Мода, реклама, субъективные предпочтения и ожидания, место в иерархии ценностей и прочие факторы культуры становятся главными при выборе товаров. В результате, говорит Сакайя, мы должны быть готовы к жизни в мире, где новые разработки, технические новинки и товары, предполагающие неповторимые сочетания неповторимых функций, будут вводиться на непрерывной основе и тут же уступать место еще более оригинальным изобретениям и товарам, так что созданная знанием стоимость превратится в товар «одноразового пользования», от которого после его употребления надлежит избавиться как можно скорее. О том же пишет Роберт Салмон: «Для многих обитателей крупных городов, чье экономическое положение оставляет желать лучшего, такие жизненно важные потребности, как трудоустройство, жилье и образование детей, явно преобладают над желанием сделать более или менее серьезные приобретения... По сути, переизбыток товаров и услуг, характерный для последних лет, обещает умерить желание потребителей потреблять... достаточно людей стали сомневаться в разумности потребительской лихорадки, охватившей наше общество» [14, с. 95, 96].

Салмон считает, что вряд ли в дальнейшем стратегию бизнеса будут, как и раньше, определять технические характеристики продукта, энергичная сбытовая полити-

ка и финансовые результаты. Он говорит, что всё чаще люди покупают не материальные блага, а символы гармонии, равновесия, безопасности, благополучия, социальной интегрированности. Наступил период, когда хотят не просто «обладать», а «быть», переживать события. «Нематериальная составляющая продукта имеет преимущества даже в том отношении, что с лихвой компенсирует дефекты качества, от которых страдают товары, произведенные с использованием явно дешевых технологий. Так, некоторые фармацевтические фирмы добились впечатляющих успехов по продвижению своего препарата, поскольку они опирались в рекламной компании на такие моменты, как отказ от испытания препарата на животных, использование натуральных ингредиентов, возможность повторного использования упаковки. Подобная продукция весьма популярна по той причине, что она отвечает глубоким этическим мотивам покупателя, уверенного, что, приобретая эти товары, он совершает благое дело и вносит свой посильный вклад в решение гуманитарных и экологических проблем» [14, с. 224].

2. Истолкование Аристотелем двух видов богатства.

Концептуальная, «организмическая» и технологическая обусловленность

Хрестоматийная история с богачом, которому труднее попасть в рай, чем верблюду пройти в игольное ушко, началась задолго до Христа, еще в античности. «Ясно, – пишет Аристотель, – что для всякого рода богатство должно бы иметь свой предел, но в действительности мы видим, происходит противоположное: все занимающиеся денежными оборотами стремятся увеличить количество денег до бесконечности... В ос-

нове этого направления лежит стремление к жизни вообще, но не к благой жизни» [1, с. 393].

Здесь Аристотель отталкивается не только от негативной общественной оценки некоторых видов накопления («...с полным основанием, – замечает он, – вызывает ненависть ростовщичество» [Там же, с. 395]), но и от высказываний своего учителя. В «Законах» Платон с горечью пишет следующее: «И теперь нам предстоит сражаться с двумя противниками: бедностью и богатством. Богатство развратило душу человека роскошью, бедность их вскормила страданием и довела до бесстыдства» [10, с. 381]. Но как теоретически Аристотель объясняет происхождение богатства и неприемлемость его бесконечного увеличения, учитывая, что богатство (правда, это стало понятным позднее, в экономике Рима, а также средних веков) открывает дорогу капиталу и большим хозяйственным проектам?

Прежде всего, Аристотель разделяет три вида деятельности – «домохозяйство», входящее в него «искусство приобретения» и внутри последнего «искусство наживать состояние», а также определяет, что собой представляет «богатство». Богатство по Аристотелю – это «совокупность экономических и политических средств (орудий), необходимых для жизни и полезных для государственной и семейной общины» [1, с. 390]. В этом своем назначении богатство не может быть беспредельным. Беспредельным оно становится в результате торговли, ростовщичества и других «технических видов опытности».

«После того, – пишет Аристотель, – как в силу необходимости обмена возникли деньги, появился другой вид искусства наживать состояние, именно торговля. Сна-

чала она, может быть, велась совершенно просто, но затем, по мере развития опытности, стала совершенствоваться в смысле источников и способов, какими торговые обороты могли принести наибольшую прибыль <...> Искусство наживать состояние относится к области домохозяйства, а торговая деятельность создает имущество не всякими способами, а лишь путем обмена имущества. Торговля, по-видимому, имеет дело главным образом с денежными знаками, служащими необходимым элементом и целью всякого обмена. И богатство, являющееся в результате применения этого искусства наживать состояние, действительно не имеет никаких пределов» [Там же, с. 391, 392].

Итак, считает Аристотель, есть два вида богатства: необходимое для нормальной жизни человека, общины и государства, а также бесконечно увеличиваемое, ставшее самоцелью. Последний вид богатства Аристотель оценивает негативно, как «противное природе», поскольку деньги и имущество в данном случае не используются по назначению; например, в случае ростовщичества «денежные знаки утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег» [Там же, с. 395].

Оценивая феномен накопления богатства, Стагирит объясняет, с одной стороны, эмпирический факт осуждения в обществе предельных вариантов обогащения, с другой – реализует свое личное убеждение, что наиболее правильным для жизни государства и общества, т. е. добродетелью, является середина между беспредельным богатством и его отсутствием, а также бедностью. Закладывая основы искусства нажи-

вать состояние (т. е. политэкономии), позволяющего успешнее обогащаться (например, «выгодно в смысле наживания состояния, – замечает Аристотель, – если кто сумеет захватить какую-либо монополию», скажем, как Фалес [Там же, с. 397]), Стагирит всё же колеблется в окончательной оценке плодов этого искусства. Ведь помимо личного обогащения и как самоцель, ведущая к беспредельному накоплению, богатство, даже сомнительное в смысле способа своего приобретения, как средство решения общественных задач часто необходимо для государства. «Находчивость Фалеса и сицилийца была одинакова: оба они сумели в одинаковой мере обеспечить себе монополию. Такого рода сведения полезно иметь и политическим деятелям: многие государства, как и семьи, но в еще большей степени нуждаются в денежных средствах и в такого рода доходах. Встречаются и такие государственные мужи, вся деятельность которых направлена к этой цели» [Там же, с. 397, 398].

Если Платон не просто решительно осуждает личное обогащение, но и указывает законы, которые бы сделали невозможным беспредельное обогащение, то Аристотель скорее рекомендует следовать закону, мере и добродетели. При этом он признает, что, поскольку мудрых не так уж много, средний человек вряд ли добровольно откажется от наживы. Всю надежду он возлагает на воспитание личности именно на основе закона. «Но если бы даже кто-нибудь, – пишет Стагирит, – установил умеренную собственность для всех, пользы от этого не было бы никакой, потому что *скорее уж следует уравнивать человеческие владения, а не собственность*. А этого возможно достигнуть лишь в том случае, когда граждане *будут надлежащим образом воспита-*

ны посредством законов» [1, с. 420] (выделение наше. – В.Р.).

Различая два вида богатств, Аристотель гениально прозревает два будущих (новоевропейских) понимания экономики. Одно, если можно так сказать, «организмическое»: экономика – это баланс жизненных запросов (потребностей) и произведенных в хозяйстве продуктов и услуг (на языке рынка – баланс спроса и предложения). У Аристотеля это понимание формулируется через первую характеристику богатства: «совокупность экономических и политических средств (орудий), необходимых для жизни и полезных для государственной и семейной общины».

Сущность природы, которую определяет Стагирит (это род бытия, в котором изменения происходят сами собой, без участия человека), не позволяла ему, во-первых, четко сформулировать идею баланса жизненных запросов и произведенных в хозяйстве продуктов; во-вторых, уяснить возможность количественного выражения этого баланса. Но новоевропейское понимание природы, «написанной на языке математики» (Г. Галилей) и «стесненной искусством» (Ф. Бэкон), открывало дорогу представлениям об экономической реальности и теоретической возможности расчета указанного баланса (по сути, тоже экономического).

Если первоначально отцы экономической науки думали, что можно установить экономические законы наподобие тех, которые действуют в первой природе, то в настоящее время эта иллюзия постепенно преодолевается. Оказалось, что балансы и другие закономерности, описанные в экономических теориях («социального выбора», «общего равновесия», «экономической динамики», «финансовых рын-

ков», «экономических кризисов», в «монетарной теории» и др.), обусловлены таким большим набором факторов, что построить на основе этих закономерностей работающие экономические модели невозможно. В результате, например, академик РАН, президент Новой экономической ассоциации В.М. Полтерович, обсуждая кризис экономической науки, показывает, что экономические законы и модели не могут считаться ни законами, ни моделями. «По-видимому, – говорит он, – многообразие экономических явлений не может быть объяснено на основе небольшого числа фундаментальных закономерностей. Интуитивное понимание этого положения привело к замене принципа единства теории на принцип сосуществования конкурирующих концепций <...> Нет сомнения, что экономическая теория выполняет полезные функции, создавая необходимый инструмент для понимания реальности (заметьте, “понимания реальности”, а не ее **расчета**. – В.Р.). Несомненно, также, что непосредственно воспользоваться этим инструментом удастся лишь в сравнительно немногих случаях. Если верно, что основная причина состоит в отсутствии универсальных экономических законов, необычайном многообразии и быстрой изменчивости экономических объектов, то, возможно, выход состоит в принципиально иной организации научного исследования» [15].

Второе аристотелевское понимание богатства можно назвать *технологическим*: экономика – это особая техника хозяйствования, накопления и рыночного обмена, позволяющая накапливать богатство беспредельно («беспредельным оно становится в результате торговли, ростовщичества и других «технических видов опытности»).

Интересно, что Стагирит догадывается: богатство (экономика) во втором понимании (обогащающие человека или государство рыночный обмен, монополия и пр.), с одной стороны, *создает новые возможности для развития хозяйства*, но, с другой – *деструктивно в социальном отношении* («противно природе»). Другое дело, что непонятно, *какой «природе» оно противно?* Однако и здесь Аристотель догадывается, что природа человеческих потребностей скорее формируется (если «граждане *будут надлежащим образом воспитаны посредством законов*»), чем имманентна в силу их рождения.

Не так в эпоху Возрождения, когда человек присваивает божественные прерогативы и начинает думать, что сам творит вещи. Как писал гуманист Марсилио Фичино, человек может создать сами светила, если бы имел орудия и небесный материал. В знаменитой работе Пико делла Мирандолы «Речь о достоинстве человека» утверждалось, что в центре мира, где в средние века стоял Бог, стоит человек и что он по собственному желанию может уподобиться если и не самому Творцу, то уж во всяком случае херувимам (ангелам), чтобы стать столь же прекрасным и совершенным, как они.

Этот новый взгляд на человека, творящего самостоятельно, без участия Бога, способствует тому, что произведенные им вещи начинают пониматься только как его личная собственность. А когда Галилей и Гюйгенс показали, как реально в рамках инженерной деятельности можно создавать «новые природы», т. е. механизмы и машины, действующие по законам природы (по сути, они полностью воспринимались уже как творения природы человеком), этот взгляд на вещи постепенно принимается как основной. Это, в свою очередь, способ-

ствует формированию убеждения, по которому произведенная (сотворенная) человеком вещь (товар), во-первых, находится в полной его власти (воле) и, во-вторых, создана именно для обмена на рынке.

«Чтобы данные вещи, – пишет Маркс, – могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых обитает в этих вещах; таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно, каждый из них лишь при посредстве одного общего им обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный. Следовательно, они должны признавать друг в друге частных собственников <...> Владелец стремится отчуждить свой товар в обмен на другие, в потребительской стоимости которых он нуждается. Все товары не имеют потребительской стоимости для своих владельцев и представляют потребительскую стоимость для своих невладельцев. Следовательно, они должны постоянно перемещаться из рук в руки» [6, с. 41, 42].

Мое утверждение о том, что второе понимание экономики позволяет истолковать ее как социальную технологию, не означает, что в первом понимании экономика не является технологией. Естественно, это тоже технология, но другая, *работающая на социальный организм, на баланс предложения и спроса*. Кроме того, экономика во втором понимании (стратегии хозяйствования, рыночного обмена, монополий, валютных схем и т. д.) – это технология, если так можно сказать, живущая сама по себе и ради себя. Даже принцип сверхприбыли для нее не внешний, а внутренний. Да, эта технология вышла из недр экономики, работающей на социальный организм (государство, общество, семью), но она оторвалась

от этого организма и начала жить самостоятельной жизнью.

В XX столетии становится понятным, что именно изобретение новых технологий является одной из причин экономических кризисов и более широко – кризиса социальных институтов. Говоря о неожиданности экономического кризиса прошлых лет, употребляют даже метафору «мыльный пузырь, возникший непонятно как, сам собой». Но разве сам собой, т. е. естественно? Разве кризису не предшествовали вполне ясные и, казалось, научно обоснованные шаги: либерализация экономики, определенная налоговая политика, новые формы кредитования, кредитование рисков, перепродажа «плохих» долгов и другие социально-экономические действия, которые породили Монблан виртуальных денег, нарушили экономический баланс, подорвали доверие потребителя к финансовым и другим экономическим институтам?

Спрашивается, чего же не учли социальные теоретики? Много чего. Например, не были продуманы негативные последствия введения новых технологий и финансовых инструментов, не учли изобретательность граждан, постоянно придумывающих схемы, позволяющие жить не по средствам (а это тоже технологии); не учитывалась роль критики существующей экономической системы, а также изменение сознания потребителей вплоть до обвалных процессов почти мгновенного распространения недоверия. Вот всего лишь один пример – изобретение и производство виртуальных денег с помощью кредитных карточек и различных валютных схем. «Пока еще, – пишет Питер Друкер, – мало кто пользуется одновременно 25-ю – 30-ю карточками; но число таких

потребителей быстро увеличивается. С помощью кредитных карточек их владельцы могут получить кредит и поддерживать его на уровне, порой значительно превышающем их подлинную кредитоспособность. Их совершенно не волнует высокая процентная ставка, поскольку они вовсе не собираются возвращать полученную ссуду. Они манипулируют карточками, перемещая деньги с одного счета на другой, благодаря чему выплачивают лишь очень небольшие, подчас символические проценты <...> это действительно *новый вид денег* <...> Сегодня нет страны, которая имела бы иммунитет от внезапных скачков валютного курса по той простой причине, что мир затоплен “виртуальными деньгами”, то есть такими, которые не обеспечивают приемлемого сочетания прибыльности и ликвидности» [3, с. 47–48, 101].

3. Технологизация потребления чая в викторианской Англии. Социокультурная обусловленность экономики

Технологии не рождаются одномоментно, наподобие того как Афина Паллада вышла из головы Зевса. Они складываются в связи с появляющимися запросами и, главное, с возможностями их удовлетворения. И то и другое (запросы и возможности), как правило, что часто не понимается, обусловлены в социокультурном и институциональном отношении. Поэтому, кстати, перенос социальных технологий из одной культуры в другие часто или вообще невозможен или же требует изменения (реформы) под транслируемую технологию самой социальности. Экономика здесь не исключение. Чтобы она сформировалась, необходимо новое социокультурное обустройство, на которое уходят десятки, а

иногда и сотни лет. Этот процесс формирования технологии и обеспечивающей ее социальной я называю «процессом социальной технологизации». На идею социальной технологизации я вышел, анализируя работу З. Баумана «Актуальность холокоста».

Бауман в своей книге довольно часто говорит о технологии и социальной инженерии, а в одном случае, как я показываю, описывает формирование конкретной социальной технологии «окончательного решения еврейского вопроса» [12, с. 23, 24]. Он показывает, что на первом этапе нацистская элита, захватившая власть, посылает обществу нужное для этой власти социальное послание, конкретно: фашисты вменяли немцам представления, по которым евреи – источник всех зол, и очищение от них Германии является первоочередной национальной задачей. Ко второму этапу можно отнести разработку необходимой для практического осуществления данного послания *социальной технологии* (сначала вытеснения евреев из Германии, затем полного их уничтожения). Эта технология включала в себя следующие этапы: *определение еврея* (построение типологии, позволяющей отделить еврея от арийца, а также задать промежуточные типы), *увольнение служащих-евреев и экспроприация принадлежащих им коммерческих компаний, концентрация* (дистанцирование от общества и помещение в лагерь смерти), *эксплуатация их труда и голодомор, уничтожение*. К третьему этапу, хотя он разворачивался одновременно со вторым, нужно отнести создание *институтов*, обеспечивающих воспроизводство созданной технологии (научных институтов изучения еврейского вопроса, отделов в СМИ, «экономического отдела

Главного управления имперской безопасности», лагерей смерти и других).

Этой схемой (формулирование социального послания, формирование самой технологии и обеспечивающих ее новых форм социальной) вполне можно воспользоваться и для анализа формирования определенного вида экономики. Для примера мы воспользуемся статьей И.И. Рущинской «Чаепитие в английской живописи викторианской эпохи». Помимо анализа живописи автор статьи показывает, как в тот период складывалась массовая потребность в чае. В частности, оказывается, что эта потребность была сознательно сформирована и социально обустроена с помощью разных социальных практик: доставки чая из английских колоний, принятия новых законов, промышленного изготовления чайной посуды, рекламы, искусства (живописи). Но послушаем саму Рущинскую.

«На протяжении второй половины XVII и всего XVIII века, – пишет она, – чай для жителей Великобритании оставался дорогостоящим экзотическим напитком, сохранившим свою “нездешнюю” – восточную – природу, свою связь с иной, неевропейской культурой. Вместе с чайными листьями в страну ввозили дорогой китайский фарфор, аксессуары, мебель. Чайный стол в итоге был полем чрезвычайно интенсивного китайско-английского диалога.

Избавиться от “восточного акцента” чайной церемонии англичанам удалось лишь в викторианскую эпоху. Именно за годы уникально-продолжительного – шестидесяти-четырёхлетнего – периода царствования королевы Виктории (1837–1903 гг.) чай обрел статус национального напитка.

Это связано, прежде всего, с изменением масштабов его потребления, за которым

стояли имперские амбиции государства и коммерческие интересы набирающей силы буржуазии. Возрастающие объемы поставок обеспечивались целым рядом целенаправленных действий. К ним относятся и постоянные дипломатические переговоры, и так называемые “опиумные войны”, и беспрецедентное уменьшение налога на чай, и введение закона об ограничении продажи спиртных напитков и поддержке продажи чая, кофе, шоколада, и создание индийских и цейлонских чайных плантаций, и многое другое. В итоге чай стал доступным товаром, который во второй половине XIX века пили все: от членов царской семьи до рабочих.

Однако, для определения значимости напитка в структуре гастрономической идентичности народа важны не только количественные показатели его потребления. Механизмы ассимиляции чая включали создание особого – “истинно английского” – материального и визуального контекста чаепития, вытеснявшего из данной церемонии любые “восточные аллюзии”. Уже во второй половине XVIII века появился фарфор собственного изготовления, а также чайная мебель, серебряная посуда. Их производство в последующие десятилетия обрело поистине массовые масштабы. В викторианскую эпоху возникла мода на особые скатерти, салфетки, даже на специальные платья и костюмы для “five o'clock”. Чайное застолье стало органической частью английской культуры повседневности.

Изменение внешнего антуража сопровождалось формированием специфического английского чайного этикета. В XIX веке появились книги, регламентирующие все аспекты и детали чайной церемонии: как приготовить чай, как и где его

подать, кого пригласить к чаю, о чем беседовать за столом. Показательно, что в викторианской этикетной традиции наряду с нормами того, как необходимо себя вести, чрезвычайно подробно прописывались запретительные правила: нельзя отхлебывать чай из чашки, в которой оставлена чайная ложка; нельзя смотреть на окружающих, когда делаешь глоток; нельзя отставлять мизинец, держа чашку; нельзя дамам вытирать губы салфеткой; нельзя класть салфетку на стол, выходя из-за чайного стола (только на стул) и т. д. Нюансировка подобных запретов была чрезвычайно высокой и ярко отражала представления британского общества о приличиях и – что особенно волновало англичан – о неприличиях в поведении.

Переход от ритуала к этикету, к созданию целого свода национально детерминированных правил поведения за чайным столом знаменовал новый этап цивилизационного присвоения напитка, завершение его “перекодировки”.

Кроме перечисленных существовал еще один механизм “встраивания” чая в английскую культуру – создание устойчивой визуальной формулы английского чаепития. Значительную роль в этом процессе, как показало интересное исследование английского автора Э. Беддоес, играла реклама. Не менее “влиятельной” оказалась и национальная живопись <...>

Пожалуй, нигде и никогда больше чаепитие не привлекало к себе такого пристального внимания художников, как в Великобритании викторианской эпохи. К этой теме обращались мастера известные и не очень, столичные и провинциальные <...>

Согласно “Словарю английских художников”, в викторианскую эпоху работало более 11 тысяч живописцев, причем боль-

шая их часть специализировалась на бытовом жанре. Десятки и сотни художников трудились над визуализацией того, что получило название “английское чаепитие”, помогая ввести чайный ритуал в качестве неотъемлемой части в британскую повседневность» [13].

Попробуем, опираясь на этот материал, выделить социальные условия, обеспечивающие формирование потребности в чае. Во-первых, это переход от элитного чаепития, характерного для XVII–XVIII вв., к массовому, демократическому в XIX столетии. И действительно, нужда в современной технологии, как показывает мой анализ, возникает при переходе от сословного общества к демократическому, массовому, в рамках которого каждый гражданин стремится получить те же самые услуги (по качеству и стоимости), что и другие. Во-вторых, нужно, чтобы сложилось индустриальное (чаще всего машинное) производство, которое в состоянии удовлетворить массовые запросы и потребности демократического общества. В данном случае это было производство чая и всех сопутствующих чаепитию аксессуаров (посуда, мебель и пр.). В-третьих, была создана правовая база для производства чая и нового времяпровождения англичан, начиная от законов, действующих в колониях, заканчивая «введением закона об ограничении продажи спиртных напитков и поддержке продажи чая» в самой Англии. В-четвертых, пришлось разработать многочисленные правила, регулирующие процесс чаепития. Они уже прямо относились к социальной технологии, предполагающей разбиение социального процесса на отдельные операции и обеспечивающие их условия. В-пятых, формирование процесса массового потребления чая было поддержано рекламой, живописью,

литературой. В результате постепенно сложился английский гражданин, для которого потребность в чае и чаепитии стала неотъемлемой чертой характера.

Вывод, который можно сделать из этой последней части статьи: экономика складывается вместе с обеспечивающими ее социальными и культурными условиями, которые предполагают сознательное участие в этом процессе хозяйственных, экономических и создающих культуру субъектов.

И два вывода, относящихся ко всей статье. Хотя экономика истолковывается как автономная, законосообразная, почти природная реальность, всё больше становится понятным, что это сложное регулирование хозяйственной деятельности, зависящее от многих культурных, социальных и антропологических факторов. В настоящее время всё большее значение в научном объяснении экономики начинает играть технологический подход, т. е. взгляд на экономику как на вид технологии в широком понимании.

Литература

1. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4.
2. *Брагинская Н.* Надпись и изображение в греческой вазописи // Культура и искусство античного мира. – М.: Советский художник, 1980.
3. *Друкер П.Ф.* Задачи менеджмента в XXI веке. – М.; СПб.; Киев: Вильямс, 2002.
4. *Клочков П.С.* Духовная культура Вавилона: человек, судьба, время: очерки. – М.: Наука, 1983.
5. *Латынина Ю.* Дар, грабеж и торговля: историческая условность границ // Знание-Сила. – 1995. – № 9.
6. *Маркс К.* Капитал. Т. 1. – М.: Партиздат, 1932.
7. *Неретина С.С.* Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время, загадка. – М.: Гнозис, 1994.

8. Новицкий П.Б. Римское право. – М.: Гуманитарное знание, 1993.
9. Переделкин Ю.Я. Частная собственность в представлении египтян Старого царства // Палестинский сборник. – М.; Л., 1966.
10. Платон. Законы // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 4.
11. Розин В.М. Культурология: учебник. – 2-е изд. – М.: Гардарики, 2003.
12. Розин В.М. Природа социальности: проблемы методологии и онтологии социальных наук. – М.: URSS ЛЕНАНД, 2016.
13. Руцкая П.И. Чаепитие в английской живописи викторианской эпохи // Культура и искусство. – 2016. – № 2.
14. Салмон Р. Будущее менеджмента. – СПб.: Питер, 2004.
15. Полтерович В.М. Кризис экономической теории: доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.r-reforms.ru/vmp2.htm> (дата обращения: 09.08.2016).

CULTURAL-HISTORICAL, PSYCHOLOGICAL, CONCEPTUAL PREMISES AND ECONOMIC CONDITIONS

V.M. Rozin

Institute of Philosophy, Russian
Academy of Sciences,
Moscow

rozinv@gmail.com

In the article the author analyzes the concept and stages of economic development, as well as the process of economic technologizing on the material of three cases - Sumerian ideas about the price of the goods, Aristotle's views on wealth and the peculiarities of tea trade in Victorian England. There are two ways of representing the economy: maintaining the life of the social organism and as a special type of technology, providing the development of the economy, which at the same time acts as a source of economic and social crises. The author discusses the conditionality of the economy in the conceptual, cultural, psychological and social relations. The conclusion is that the economy develops, along with ensuring its social and cultural conditions that involve conscious participation of economic and cultural subjects in this process.

Keywords: economy, culture, society, need, technology, technologization.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-3.1-24-39

References

1. Aristotel'. Politika [Politics]. Aristotel'. *Sochineniya*. V 4 t. T. 4 [Tractates. In 4 vol. Vol. 4]. Moscow, Mysl' Publ., 1983 (In Russian)
2. Braginskaya N. Nadpis' i izobrazhenie v grecheskoi vazopisi [The inscription and image of Greek vase painting]. *Kultura i iskusstvo antichnogo mira* [Art and culture of the ancient world]. Moscow, Sovetskii khudozhnik Publ., 1980.
3. Drucker P.F. *Management Challenges in the XXI century*. New York, Harperbusiness, 1999 (Russ. ed.: Druker P.F. *Zadachi menedzhmenta v XXI veke*. Moscow, St. Petersburg, Kiev, Williams Publ., 2002)
4. Klochkov I.S. *Dukhovnaya kultura Vavilonii: chelovek, sud'ba, vremya: ocherki* [Spiritual culture of Babylonia: man, fate, time: essays]. Moscow, Nauka Publ., 1983.

5. Latynina Yu. Dar, grabezh i trgovlya: istoricheskaya uslovnost' granits [Gift, robbery and trade: the historical boundaries of conventionality]. *Znanie-Sila – Knowledge-Force*, 1995, no. 9.
6. Marks K. *Kapital*. T. 1 [Capital. Vol. 1]. Moscow, Partizdat Publ., 1932 (In Russian)
7. Neretina S.S. *Slovo i tekst v srednevekovoi kul'ture. Istorija: mif, vremya, zagadka* [Word and text in medieval culture. History: the myth, the time, the mystery]. Moscow, Gnozis Publ., 1994.
8. Novitskii I.B. *Rimskoe pravo* [Roman law]. Moscow, Gumanitarnoe znanie Publ., 1993.
9. Perepelkin Yu.Ya. Chastnaya sobstvennost' v predstavlenii egiptyan Starogo tsarstva [Private property in the view of the Old Kingdom Egyptians]. *Palestinskii sbornik* [Palestinian compilation]. Moscow, Leningrad, 1966.
10. Platon. Zakony [Laws]. Platon. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 4 [Complete works. In 4 vol. Vol. 4]. Moscow, Mys' Publ., 1994.
11. Rozin V.M. Kul'turologiya [Cultural studies]. 2nd ed. Moscow, Gardariki Publ., 2003.
12. Rozin V.M. *Priroda sotsial'nosti: problemy metodologii i ontologii sotsial'nykh nauk* [Nature sociality: problems of methodology and ontology of the social sciences]. Moscow, URSS LENAND Publ., 2016.
13. Rutsinskaya I.I. Chaepitie v angliiskoi zhivopisi viktorianskoi epokhi [Tea in English painting of the Victorian era]. *Kul'tura i iskusstvo – Culture and Art*, 2016, no. 2.
14. Salmon R. *The Future of management*. Oxford, Blackwell Business, 1996 (Russ. ed.: Salmon R. *Budushchee menedzhmenta*. St. Petersburg, Piter Publ., 2004).
15. Polterovich V.M. *Krizis ekonomicheskoi teorii: doklad na nauchnom seminare Otdeleniya ekonomiki i TsEMI RAN "Neizvestnaya ekonomika"* [The crisis of economic theory: a report at the scientific seminar of the Department of Economics and CEMI "Unknown economy"]. Available at: <http://www.reforms.ru/vmp2.htm> (accessed 09.08.2016)